

«Мне и в голову не приходило превзойти отца»

Завтра будут объявлены победители 62-го Венецианского кинофестиваля. Россию на Лидо представляет драма Алексея Германа-младшего «Гарпастум» — это второй фильм 29-летнего режиссера, который два года назад уже приезжал в Венецию с дебютной картиной «Последний поезд» и удостоился тогда специального упоминания жюри. С Алексеем Германом-младшим встретила корреспондент «Известий» Анна Федина.

ИЗВЕСТИЯ: Наступление XX века ознаменовала Первая мировая война. Когда для нас наступил XXI век?

АЛЕКСЕЙ GERMAN-младший: Это слишком серьезный вопрос для девяти утра. Тем более что последнее время, до премьеры «Гарпастума», я постоянно отвечал на одинаковый набор вопросов: о чем фильм, почему Куценко в роли Блока, так что сейчас надо срочно перестроиться. Итак, о XXI столетии. По-моему, оно еще не наступило. Все, что сейчас происходит, это рудименты XX века. И потом, я не вижу колоссального культурного взлета, какой был в начале XIX и XX столетий.

ИЗВЕСТИЯ: Говорили, что события 11 сентября положили начало новому веку.

GERMAN-младший: Нет, при всем трагизме произошедшего для наступления нового века этого недостаточно. Серьезные потрясения еще только впереди. Лет через 5–6, я думаю, случится что-то грандиозное. Мы всего ждем, но пока не знаем, чего. В 1910 году было то же самое: все понимали, что в атмосфере существует напряжение, которое по закону сохранения энергии не может раствориться, но во что оно выльется, никто не понимал.

ИЗВЕСТИЯ: «Гарпастум» — фильм о поколении, чьи мечты оказались раздавлены колесом истории. То же самое пережило поколение вашего отца. Но разве подобное можно сказать о вас?

GERMAN-младший: Мы пережили такой же передом, как и военные поколения, но только без крови. И до сих пор пребываем в растерянности. «Гарпастум» — очень близкая для меня история. У меня так же распалась компания, так же нелепо погибли в Чечне друзья. Мой двоюродный брат — замечательный художник, но в смутное время, в 1991–1993 годах, он подался в бизнес. И сделал это зря. А другие товарищи сели в тюрьму, потому что у них очень резко обидели семьи и им пришлось любыми путями добывать деньги. Даже мои родители жили

в ожидании катастрофы, и только молодежь вроде меня никакого слома времени не замечала.

ИЗВЕСТИЯ: То есть вы, как и ваши герои, пропустили крах старого мира?

GERMAN-младший: Мы просто не задумывались об этом. Все события, которые происходили в стране, казались нам странным завлекательным аттракционом. Было столько впечатлений — стало можно смотреть новые фильмы, пить алкоголь, которого мы никогда не пробовали, посещать места, о которых мы и понятия не имели, — что голова была занята совсем не тем. А в это время мой отец переживал, что многие его друзья не могут найти работу, а на «Ленфильме» — темные коридоры, и фактически он — единственный, кто еще снимает кино.

ИЗВЕСТИЯ: Это особенность молодости — не замечать изменений в мире?

GERMAN-младший: Видимо, да. Я не верю, когда 20-летние ребята по собственной воле, а не по велению преподавателей вовлечены во время. Я снимал кино про компанию, которая, может, знает, что где-то есть Ахматова и кто такой Блок, а может, и не знает. Я старался не делать кино про интеллектуалов, потому что не верю, что увлечение поэзией можно полноценно совмещать с любовью к футболу. Когда я встречаю энциклопедически образованных спортсменов, то искренне удивляюсь.

ИЗВЕСТИЯ: Вы оптимистично настроены по отношению к жизни?

GERMAN-младший: Моментами. Сейчас у меня и у моих друзей все складывается, мы востребованы, наше кино смотрят, вроде бы даже хвалят. Но я стараюсь воспринимать действительность адекватно, понимая, что все еще впереди. Вторая картина режиссера в его творческой судьбе ничего не значит. И сегодня мне интереснее думать о будущем фильме, чем о только что законченном. Я, кстати, никогда не верил словам «картина — это твой ребенок» и тому подобное, и только позавчера, на первом

показе «Гарпастума», я осознал, что это — правда. После премьеры фильма что-то выращенное внутри тебя отправляется в путешествие, в котором от тебя уже ничего не зависит. Ты можешь бежать рядом, нести тапочки, помогать этому ребенку не упасть, но пользы от этого практически никакой. Странно, с «Последним поездом» у меня такого чувства не было. Может быть, в «Гарпастуме» было вложено больше сил и нервов.

ИЗВЕСТИЯ: Вы чувствуете в себе силы снимать кино лучше, чем отец?

GERMAN-младший: Главное, что я чувствую в себе силы снимать кино. Невозможно снять лучше, чем «8 1/2», «Весь этот джаз» или «Последний сеанс». «Мой друг Иван Лапшин» тоже относится к этой категории. Поэтому мне и в голову никогда не приходило превзойти моего отца. Единственное, чего я хочу, — чтобы, посмотрев мои фильмы, если это когда-нибудь случится, он не сказал: «Лучше бы ты пошел в адвокаты». Мне важно доказать себе и окружающим, что я могу снимать фильмы в том направлении кинематографа, которое уважаю. Да, я делаю кино, которое было популярно в 1970–1980-х годах, и не собираюсь играть в игры вроде подражания сначала Тарантино, а потом клипам MTV.

ИЗВЕСТИЯ: Вы заранее знаете, куда хотите двигаться?

GERMAN-младший: Если когда-нибудь я сниму 30 минут, которые по своей эстетике и таланту будут хотя бы отдаленно напоминать «Андрея Рублева», моя цель достигнута.